



## Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

XXXV<sup>1)</sup>.

**Н**а слѣдующій день, какъ и сказалъ Ону, нашъ посоль въручилъ Блистательной Портѣ ультиматумъ князя Горчакова съ требованіемъ остановить немедленно движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду и заключить перемиріе на два мѣсяца съ обоими возставшими княжествами, угрожая въ противномъ случаѣ разрывомъ дипломатическихъ сношеній.

Реагируя на событіе такой необычайной важности, европейская пресса открыла свои шлюзы и затопила весь Царьградъ фантастическими разсказами объ интригахъ „Московского правительства“. Но это прошло стороною мимо вниманія уличной толпы и не омрачило ея приподнятаго, радужнаго настроенія, съ которымъ она встрѣчала еще наканунѣ Абдуль-Гамида, какъ побѣдителя невѣрныхъ...

Трещали ракеты; мальчишки съ барабанами носились по улицамъ, оглашая воздухъ пѣніемъ турецкаго марша, звенѣли бубны и цимбалы музыкантовъ, рѣяли красные флаги надъ головами, и ликованія городской черни, упоенной восторгами побѣды, стали принимать въ концѣ концовъ характеръ дикой вакханаліи. Для порядка разѣзжали конные жандармы; но маневры ихъ не задерживали напора демонстрантовъ въ европейскіе кварталы.

Историческій моментъ врученія ультиматума, сводившаго къ нулю блестящіе успѣхи оттоманскаго оружія, подхватили мѣстные забавники, такъ называемые—„карагезы“ и перенесли

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, мартъ 1915 г.

его на сцену балагановъ съ явнаго одобренія высшей инстанціи...

Слово „карагезъ“ въ буквальному переводу будетъ „черный глазъ“: его двойникъ итальянскій „Пульчинелло“, а по мысли это ходячая народная сатира, жало которой мѣтитъ всегда очень высоко, забираясь, такимъ образомъ, даже во дворцы сановниковъ и европейскихъ дипломатовъ...

Къ вечеру манифестаціи пошли на убыль; движеніе толпы было направлено въ Стамбуль, гдѣ съ вышекъ минаретовъ уже звали правовѣрныхъ на молитву; но въ публичныхъ мѣстахъ для гуляній черноглазый шутъ карагезъ продолжалъ тѣмъ временемъ забавлять народъ фарсами и комедіями собственной импровизиціи.

Случай занесъ меня въ тотъ же день на представленіе этого жанра, и въ моей памяти осталось довольно оригинальное впечатлѣніе: я ожидала видѣть какую-нибудь прямо идиотскую арлекинаду съ грубыми выходками по адресу нашей дипломатіи; но оказалось совсѣмъ другое, и куклы, исполнявшія роли на подмосткахъ турецкаго балагана, вели себя, какъ джентльмены, если можно такъ выразиться, по сравненію съ газетными писаками константинопольской прессы. Вотъ для иллюстраціи первый актъ этого фарса и вотъ обстановка театра: нѣсколько связанныхъ между собой дранокъ опираются на подставки, изображая такимъ образомъ сцену, подъ которой сидятъ живые артисты и управляютъ движеніемъ куколъ. Представленіе идетъ на турецкомъ языкѣ; гаремныя дамы, скрываясь за подвижными, деревянными рѣшетками, громкимъ смѣхомъ выражаютъ свой безпредѣльный восторгъ; мужчины размѣщаются прямо на землѣ, гдѣ кому удобнѣе. Мы, европейцы, слѣдимъ также за ходомъ дѣйствія.

Комедія начинается тѣмъ, что является портной и усаживается за работу.

Публика хохочетъ, наблюдая, какъ манекенъ дѣйствуетъ иглой и ножницами. Но вотъ подпольный механизмъ выводитъ на сцену черномазаго шута: громъ аплодисментовъ и крики „аферимъ“ (браво!) встрѣчаютъ его; оваціи растутъ, а „великій“ артистъ отвѣчаетъ на это прыжками и визгомъ, что даетъ поводъ турчанкамъ вторить ему съ исключительной энергіей.

Затѣмъ, картина мѣняется, устанавливается тишина, и обѣ куклы развиваютъ діалогъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Карагезъ. Ай, ай, ай! какой я сталъ теперь большой человѣкъ—прямо вельможа!

Портной. На то воля Аллаха и пророка Его! Но расскажи, какъ это могло случиться?

Карагезъ. Очень просто! Развѣ я не заслужилъ такой чести?

Портной. Ты шутъ гороховый и больше ничего! Убирайся, не мѣшай мнѣ работать! Какая тамъ честь?!

Карагезъ. Нѣтъ! нѣтъ! смотри выше! Я не шутъ, а высокородный, прославленный бей!

Портной (насмѣшливо). А кто тебѣ далъ чинъ?

Карагезъ. Я самъ взялъ его!..

Портной (строго). Ну, и дуракъ! развѣ чины валяются на мостовой? Ихъ надо заслужить у падишаха или же дать кому слѣдуетъ бакшишъ, а за деньги можно купить даже мѣсто губернатора въ раю Магомета.

Карагезъ (визжитъ и прыгаетъ). Нельзя такъ разговаривать со мной: я не чобанъ <sup>1)</sup> какой-нибудь! Это я поднялъ на ноги весь дипломатическій корпусъ, а иначе москвъ — гяуръ захватилъ бы вчера Босфоръ и Дарданеллы...

Портной. Какъ?!. русскій флотъ уже прорвался изъ Чернаго моря? Да хранить насъ Аллахъ отъ вражеской силы!..

Карагезъ (въ тонѣ глубочайшаго негодованія). Что ты говоришь? развѣ можетъ какой бы тамъ ни было европейскій флотъ проникнуть въ Босфоръ — одинъ выстрѣлъ съ нашего берега, и онъ идетъ ко дну. А вотъ станціонеръ русскаго посольства—это уже другой вопросъ!..

Портной (заливается хохотомъ). Станціонеръ?!. Станціонеръ?!. Аллахъ! Аллахъ! родятся же такіе, и земля ихъ носить! Уходи, пожалуйста, рассказывай кому хочешь твои басни, а мнѣ надо закончить работу... Уходи!

Карагезъ. Нѣтъ, это не басни, а фактъ.

Портной. Какой тамъ фактъ — одна чепуха, только и всего...

Карагезъ. Ну, ладно, по дружбѣ я открою тебѣ секретъ: вчера московскій генералъ перевезъ свои пожитки на станціонеръ! Я стоялъ на берегу и видѣлъ собственными глазами, какъ несли чемоданы, ящики и 100 пудовъ халвы...

<sup>1)</sup> Презрительная кличка, а буквально—пастухъ.

Портной. Аллахъ! на что ему столько?!. Ну, купилъ бы 2—3 ока <sup>1)</sup> на всю компанію и довольно — каждый день въ лавкахъ продають свѣжую...

Карагезъ (хватается за бока и отчаянно визжитъ). На что ему столько — ахъ, ты деревянная башка, и этого понять не можетъ! Извѣстно каждому, что у нихъ тамъ въ Московскомъ царствѣ кромѣ водки и самовара ничего другого не найдешь въ лавкахъ.

Портной. У меня все перепуталось въ головѣ! Объясни же мнѣ, наконецъ, при чемъ тутъ халва, дипломаты, станціонеръ?..

Карагезъ. А при томъ, что сердитый генераль и самъ теперь не знаетъ, какъ повернуть дѣло: везти ли халву въ Россію или же вернуться обратно на Перскую улицу въ свою квартиру — вотъ задача, которую онъ никакъ не можетъ рѣшить...

Портной. Но въ газетахъ пишутъ, что онъ предъявилъ какой-то ультиматумъ?

Карагезъ (презрительно). Не знаешь даже, что такое „ультиматумъ“?

Портной (дѣлаетъ головой знакъ отрицанія). Бѣшенный хохоть публики наполняетъ воздухъ. За ширмами турчанки визжать, какъ поросята, и артисты получаютъ, такимъ образомъ, дань восхищенія своему удивительному мимическому таланту.

Карагезъ (обращаясь къ зрителямъ). Господа, если кто изъ васъ также не знаетъ, что такое собственно „ультиматумъ“ въ его прямомъ, а не перевосномъ значеніи, то я съ величайшимъ удовольствіемъ могу вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Аферимъ! аферимъ! несется къ нему изъ толпы.

Карагезъ (дѣлаетъ отчаянное сальто-мортале, а затѣмъ важно и торжественно). Господа! „ультиматумъ“ есть обыкновенный листъ бумаги, на которомъ отъ времени до времени Московское правительство пишетъ Высокой Портѣ разные комплименты: сегодня утромъ, на примѣръ, генераль Игнатьевъ отъ имени князя Горчакова поздравилъ его величество султана Абдуль-Гамида съ блистательнымъ разгромомъ Черняева у Алексинаца!..

Финала комедіи я не видѣла, такъ какъ мы ушли прежде, чѣмъ закрылся балаганъ; но и этого было достаточно для

<sup>1)</sup> Единица вѣса въ Турціи, приблизительно 3 нашихъ фунта.

иллюстраціи настроенія турецкаго общества, безусловно вѣрившаго, что Европа никогда не позволила бы Россіи остановить движеніе Керима-паши на Бѣлградъ. Однако, случилось именно то, чего никакъ не ожидали: Абдуль-Гамидъ подписалъ на два мѣсяца перемиріе и отозвалъ свою армію съ лѣваго берега Моравы.

Надо было видѣть, что произошло, когда въ мусульманскихъ кварталахъ узнали объ этомъ...

На утро 21 октября крики разносчиковъ газетъ: „ультиматумъ московской дипломатіи принять! Оттоманскія войска уходятъ изъ Сербіи“! послужили сигналомъ для бурныхъ демонстрацій народной массы: точно лавина обрушилась на Константинополь и потрясла его до основанія.

Тогда на арену пропаганды священной войны противъ гяуровъ выступило духовенство: опять зарѣяли красные и зеленые флаги надъ толпой, и опять столица падишаха измѣнила свой обликъ.

Софты, какъ бѣшеные, понеслись къ зданію сераскертата <sup>1)</sup>, чтобы требовать наступленія къ Бѣлграду.

Въ мечетяхъ улемы и шейхи звали правовѣрныхъ къ борьбѣ съ московскими варварами; муллы ходили по казармамъ, благословляя именемъ Аллаха оружіе Полумѣсяца и разжигая огонь фанатизма; важные, степенные имамы собирали вокругъ себя городскую чернь и возбуждали ее рѣчами, лозунгомъ которыхъ было: стереть съ лица земли непокорныхъ вассаловъ и объявить хазаватъ противъ ненавистой Московіи съ ея „казаками“. Широкое эхо Стамбульской печати разносило эти страстныя рѣчи, и вотъ почти дословный переводъ одной изъ нихъ для иллюстраціи краснорѣчія мусульманскаго духовенства.

„Владыка міровъ сотворилъ небо и землю только для мусульманъ, а гяурамъ по Его божественному опредѣленію еще до начала временъ устроено жилище въ безднахъ ада, гдѣ вѣчно горитъ пламя дьявола. Объ этомъ сказалъ намъ Пророкъ и далъ завѣтъ уничтожить ихъ племена на землѣ. Но прежде всего, о вѣрные сыны Аллаха, мы должны побѣдить огнемъ и мечемъ кровожадную, нечестивую Московію. Она протягиваетъ сейчасъ руку къ нашему достоянію; она сама, какъ извѣстно, затѣяла рѣзню въ Болгаріи, а теперь увѣряетъ всѣхъ, что этимъ занимались наши храбрые аскеры; ея ужас-

<sup>1)</sup> Военное министерство.

ные казаки истребляютъ на Кавказѣ аулы черкесовъ и пожираютъ ихъ младенцевъ прямо живыми! Вотъ какая эта Россія! Вотъ какой этотъ московскій народъ! Правовѣрные, Самъ Великій Аллахъ призываетъ насъ къ хаавату“!..

Въ летучихъ воззваніяхъ, ходившихъ по рукамъ, насъ обвиняли въ дипломатическихъ шантажахъ, въ мародерствѣ якобы за ширмами кровавыхъ событій въ Болгаріи и проклинали, какъ злѣйшихъ враговъ цивилизаціи. Самые нелѣпыя, вздорные слухи передавались изъ устъ въ уста, и злоба висѣла надъ головами христіанъ.

**Е. А. Рагозина.**

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

